

Часы не остановятся, когда
среди июльской терпкости полынной
осина у чернильного пруда
засмотрится в студёные глубины.

Так женщина, начало октября
предсказывая, словно ворожея,
однажды утром взглянет на себя,
да только не узнает отраженья.

И отойдёт от зеркала в сердцах,
когда поймёт — и сделается строже, —
что паутинку липкую с лица
она смахнуть, как в юности, не может.

И больше не поверит докторам.
В шкафу отыщет кофту потеплее...
И забелеет вата между рам
от зазимков до мартовской капли.

...Дрожит на ветке сморщенный листок.
Сплетает время свой широкий невод.
И выцветает синий лоскуток
остывшего октябрьского неба.

* * *

Небеса отворятся хлябями.
Только вдруг от своих щедрот
две недели угара бабьего
лето осени поднесёт.

Та зардеется, как на выданье,
каравай посадит в печь.
За калитку в сорочке вытканной
выйдет счастье своё стеречь.

Но однажды найдёт у старицы
убежавшего лета след —
и у всех на глазах состарится
не на месяц — на уйму лет.

По характеру не гневливая,
станет мертвенно холодна.
Безутешными злыми ливнями
рассчитается с ним сполна.

Напоследок отправит весточку:
мол, подсчитывай барыши.
И в костре облетевшей веточкой
будет прошлое ворошить.

* * *

Только на исходе ледостава
с девичьей печалью безответной
выдохнула осень: “Горислава...” —
и сдалась расхристанному ветру.

Затаилась, раненная мыслью
непреренно — рано или поздно —
отомстить за сорванные листья,
по земле размётанные гнёзда...

Будут ночи долгими и злыми.
Будет сердце гулким и тревожным.
А потом в груди толкнётся имя —
ни забыть, ни вспомнить невозможно.

В пустоте оконного проёма
за спиной двойного перекрестья
замерцает сталью воронёной
вынутый из ножен полумесяц.

И тогда, от ужаса немая,
вдруг озябнешь ты в квартире душной,
в оторопи знобкой поднимая
голову от наспанной подушки.

Посмотри, как дрожит этот лист на берёзовой ветке.
Полпути до зимы нам отмерят вот-вот с Покрова.
Прорастает тоска, словно детство из песен советских,
и сбиваются в стаи бескрылые прежде слова.

Улетают к теплу облака, журавли, паутина —
неизбежный исход накануне больших холодов.
Пусть для всех Моисеев найдётся своя Палестина.
Нам достанет юдоли и вне Гефсиманских садов.

Журавлиное эхо в озябшие заводи канет...
Проплывут над рекой непрожитых столетий клубы,
там, где Пушкинский мост обречённо бряцает замками
и рискует прогнуться под тяжестью чьей-то судьбы.

Посмотри: этот город из ветра и времени соткан.
Нам подсыпала осень в карманы звенящих деньжат.
Обнажённая ветка скребётся в закрытые окна.
Я держу тебя за руку крепче, чем можно держать.

* * *

Просто время свело полуду
с потускневшей давно надежды.
Так земля ожидает чуда
от суровой зимы бесснежной,

а потом позабыть не может,
как безропотно и покорно
промерзала она до дрожи,
коченели от стужи корни.

Просто в горле застряло слово,
а должно было стать крылатым...
И слезами из глаз Иова
падал снег, наплевав на даты.

Высыпáлся из тучек ветхих
на опешившие высотки,
на асфальт, на траву, на ветки,
что набухли весенним соком.

Будто только сейчас спрелело
время праздничных зимних кружев.
Был он мягким, искристым, белым.
Но ненужным уже.
Ненужным.